Апельсиновая Девушка

Автор:
Юстейн Гордер

Апельсиновая Девушка

Юстейн Гордер

Имя норвежского писателя Юстейна Гордера – одно из крупнейших в современной литературе. В его книгах удивительным образом сочетаются лучшие традиции мировой классики и новизна и свежесть взгляда. «Апельсиновая Девушка» – это своеобразная книга в книге, ибо рассказ в ней ведут два человека. Мальчик Георг слышит голос своего отца спустя одиннадцать лет после его смерти…

Юстейн Гордер

Апельсиновая Девушка

Jostein Gaarder

Appelsinpiken

Издательство выражает благодарность H. Aschehoug & Co. за предоставление прав

Настоящее издание выходит при поддержке норвежского государственного некоммерческого информационного агентства NORLA

© Jostein Gaarder and H. Aschehoug & Co., 2003

© Горлина Л., перевод на русский язык, 2004

© Издание на русском языке, оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2005

* * *

Мой отец умер одиннадцать лет назад. Мне тогда было четыре года. Вот уж не думал, что когда-нибудь он подаст мне весть о себе, а меж тем мы с ним вместе пишем теперь эту книгу.

Это самое начало нашей книги, его пишу я, отец присоединится ко мне немного позже. Главный рассказчик все-таки он.

Я не уверен, что хорошо его помню. Скорее, мне только кажется, будто помню, потому что я часто рассматриваю его фотографии.

По-настоящему я помню только тот случай на террасе, когда он показывал мне звезды.

На одной фотографии мы с отцом сидим на желтом кожаном диване в нашей гостиной. Наверное, он рассказывает мне что-то интересное. Диван до сих пор стоит у нас, но отца на нем больше нет.

На другой фотографии мы сидим вместе в зеленой качалке на застекленной веранде. Эта фотография висит у нас с тех пор, как отец умер. Я и сейчас сижу в этой зеленой качалке. И пытаюсь не качаться, потому что пишу в большом блокноте. Потом все написанное я наберу на старом отцовском компьютере.

Можно кое-что рассказать и об этом компьютере, но к нему я еще вернусь.

Меня всегда удивляют старые фотографии. Они принадлежат другому, не нашему, времени.

У меня хранится большой альбом с фотографиями отца. Немного жутко разглядывать фотографии человека, которого уже нет в живых. Отец снят и на видео. Почему-то меня пугает его голос. Громкий, раскатистый.

По-моему, надо запретить смотреть по видео на человека, которого больше нет в живых, или, как говорит моя бабушка, кого больше нет с нами. Нельзя подглядывать за мертвыми.

На одной из кассет записан и мой голос. Тонкий и писклявый. Он напоминает писк птенца.

Так мы тогда говорили: отец басом, а я дискантом.

На одной кассете видно, как я, сидя на плечах у отца, пытаюсь сорвать с елки звезду. Мне не больше года, и, конечно, я могу лишь немного ее пошевелить.

Когда мама видит на кассете нас с отцом, она порой откидывается назад и громко хохочет, хотя сама же нас и снимала. По-моему, она зря смеется, когда видит отца. Не думаю, что ему бы это понравилось. Наверное, он сказал бы, что она нарушает правила.

На другой кассете мы с отцом сидим на солнышке во время пасхальных каникул перед нашим домиком во Фьелльстёлене. В руке у каждого по пол-апельсина. Я пытаюсь сосать сок из своей половинки, не очистив ее. Отец же, я уверен, думает совсем о других апельсинах.

Сразу после той Пасхи отец заболел. Он болел больше полугода и боялся смерти. Думаю, он знал, что умрет.

Мама часто рассказывала, что отец особенно горевал, что умрет, не успев как следует узнать меня. Бабушка тоже говорит что-то в этом роде, только она выражается более витиевато.

Когда она говорит со мной об отце, голос у нее становится какой-то подозрительный. И это не удивительно. Ведь они с дедушкой потеряли взрослого сына. Трудно даже представить себе, каково это. К счастью, у них есть еще один сын. Но бабушка никогда не смеется, когда смотрит старые отцовские фотографии. Она относится к ним с благоговением. Это ее слово.

Отец как будто решил, что нельзя серьезно разговаривать с мальчиком, которому всего три с половиной года. Сегодня-то я понимаю, что он имел в виду, и ты, читающий эту книгу, вскоре тоже поймешь.

У меня есть фотография отца, сделанная уже в больнице. На этом снимке он ужасно худой. Я сижу у него на коленях, и он держит меня за руки, чтобы я не упал на него. И пытается улыбнуться. Фотография сделана за пару недель до его смерти. Лучше бы ее у меня не было, но раз уж она есть, выбросить ее я не могу. Как не могу и не смотреть на нее.

Сейчас мне пятнадцать, или, чтобы уж быть совсем точным, пятнадцать лет и три недели. Меня зовут Георг Рёед, и я живу в Осло на Хюмлевейен вместе с мамой, Йоргеном и Мириам. Йорген – мой новый папа, но я зову его просто Йорген. Мириам – моя сестренка. Ей всего полтора года, и она слишком мала, чтобы с ней можно было по-настоящему разговаривать.

Понятно, что у меня нет ни фотографии, ни видеокассеты с изображением Мириам с моим отцом. Ведь ее отец – Йорген. У моего отца, кроме меня, детей не было.

В конце этой книги вы узнаете о Йоргене нечто поразительное. Пока еще не время говорить об этом, но тот, кто дочитает до конца, все узнает.

* * *

После смерти отца дедушка с бабушкой пришли к нам и помогли маме разобрать отцовские вещи. Однако ничего важного они не нашли. Важное – это длинный рассказ, который отец написал перед тем, как его увезли в больницу.

Впрочем, тогда никто и не подозревал, что он написал какой-то рассказ. История об Апельсиновой Девушке выплыла наружу только в этот понедельник. Бабушка зашла в сарай для инструментов и там нашла этот рассказ, засунутый за обивку красного гоночного автомобиля, на котором я катался, когда был маленький.

Как он туда попал, не знает никто. Уж конечно, не случайно рассказ, написанный отцом, когда мне было три с половиной года, оказался каким-то образом связан с моим гоночным автомобилем. Я не имею в виду, что это рассказ о гоночном автомобиле, ни в коем случае, я только хочу подчеркнуть, что отец написал его для меня. Он написал историю об Апельсиновой Девушке, чтобы я прочитал ее, когда вырасту настолько, чтобы ее понять. Он написал письмо в будущее.

Если отец и в самом деле засунул когда-то эти страницы за обивку старого гоночного автомобиля, он, наверное, не сомневался в том, что письма всегда находят своего адресата. Думаю, стоит тщательно проверять все старые вещи, прежде чем отдавать их на блошиный рынок или выбрасывать в мусорный контейнер. Страшно подумать, что можно узнать из старых писем и из какого-нибудь другого хлама, выброшенного на помойку.

Последние дни меня занимала одна мысль. По-моему, можно было найти более простой способ послать письмо в будущее, чем прятать его за обивку детского автомобиля.

Когда мы посылаем письма простой или электронной почтой, мы пишем только адрес. Нам неизвестно, когда письмо, отправленное по почте, или e-mail дойдут до адресата. Биллу Гейтсу следовало бы подумать над этим. Еще не поздно обогатить следующую версию Windows новой функцией.

Иногда, пусть даже редко, нам хочется, чтобы кто-то прочитал наше послание через четыре часа, или через четырнадцать дней, или через сорок лет. Рассказ об Апельсиновой Девушке был именно таким посланием. Оно написано мальчику Георгу двенадцати или четырнадцати лет, то есть мальчику, которого отец не видел и не мог видеть.

Но пришло время по-настоящему начать мой рассказ.

Не так давно я вернулся домой из музыкальной школы и неожиданно застал у нас дедушку с бабушкой. Они «сюрпризом» приехали из Тёнсберга и собирались пробыть у нас до утра.

Мама и Йорген тоже были дома и с нетерпением ждали, когда я появлюсь в холле и начну стаскивать с себя сапоги. Сапоги были грязные и мокрые, но никто не обратил на это внимания. Их мысли были заняты чем-то другим. Я сразу заподозрил что-то неладное.

Мама сказала, что Мириам уже спит, таким тоном, словно ничего лучшего в связи с приездом дедушки и бабушки нельзя было и пожелать. Впрочем, ей-то они не дедушка с бабушкой. У нее есть свои. Они тоже очень хорошие и тоже приезжают к нам, но, как говорится, кровь гуще, чем вода.

Я вошел в гостиную и сел на ковер, лица у всех были такие торжественные, будто случилось что-то серьезное. Но в школе за последние дни у меня не было замечаний, из музыкальной школы я приходил домой вовремя, и прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я в последний раз стянул десятку с кухонного стола. Поэтому я сказал им: «Выкладывайте!»

И бабушка объяснила, что они нашли письмо, которое отец написал мне незадолго до своей смерти. У меня заныло под ложечкой. Отец умер одиннадцать лет назад. Я даже не уверен, что помню его. «Письмо от отца» – это звучало ужасно высокопарно, еще почище, чем «завещание».

Тут я заметил, что у бабушки на коленях лежит большой конверт, она протянула его мне. Конверт был заклеен, и на нем было написано одно слово: «Георгу». Почерк был не бабушкин, не мамин и не Йоргена. Я вскрыл конверт и вытащил толстую пачку бумаги. И вздрогнул, потому что наверху первой страницы было написано:

Сядь поудобнее, Георг. Я хочу, чтобы ты устроился поудобнее, потому что намерен рассказать тебе одну душещипательную историю…

У меня закружилась голова. Что это означает? Письмо от отца? Настоящее?

«Сядь поудобнее, Георг». Мне показалось, что я слышу раскатистый голос отца, и это была не видеозапись, я слышал его голос, как будто отец вдруг ожил и сидит с нами в гостиной.

Хотя конверт, до того как я открыл его, был заклеен, я все-таки спросил у взрослых, не читали ли они этого длинного письма, но все отрицательно покачали головой и сказали, что не прочли ни строчки.

«Ни одной буковки», – сказал Йорген, в голосе его слышалась неловкость, отнюдь не свойственная этому человеку. Но может, я разрешу им прочитать отцовское письмо после того, как прочту его сам, сказал он. Думаю, ему было ужасно любопытно, о чем говорится в этом письме. Почему-то мне показалось, что у него не совсем чиста совесть.

Бабушка объяснила, что они после полудня сели в машину и покатили в Осло. И все потому, что ей показалось, будто она разгадала одну старую загадку. Это звучит таинственно, но так оно и есть.

Когда отец лежал больной, он говорил маме, что пишет мне длинное письмо, которое я должен буду прочесть, когда вырасту. Но никакого письма они так и не нашли, а мне между тем уже стукнуло пятнадцать.

Новым в этой истории было то, что бабушка неожиданно вспомнила и другие слова отца. Тогда же он распорядился, чтобы никто не вздумал выбросить мой красный гоночный автомобиль. Бабушке казалось, что она вспомнила слово в слово то, что он сказал уже лежа в больнице. «Никогда не выбрасывайте гоночный автомобиль Георга, – сказал он. – Ни в коем случае, я вас очень прошу. Он так много значил для нас с Георгом в эти последние месяцы. Я хочу, чтобы Георг сохранил этот автомобиль. Расскажи ему это когда-нибудь. Расскажи, когда он будет достаточно взрослый, чтобы понять, почему я просил сохранить для него этот автомобиль».

Именно поэтому старый гоночный автомобиль не выбросили и не отдали на блошиный рынок. Даже Йорген был строго предупрежден об этом. Лишь к одной вещи он не имел права прикасаться, когда поселился у нас на Хюмлевейен, – это к моему красному гоночному автомобилю. Он относился к нему с таким уважением, что по его настоянию для Мириам купили другой автомобиль, новый. Может, ему не нравилась мысль возить свою дочку в том же

автомобиле, в котором отец когда-то, много лет назад, возил меня.
Но не исключено, что ему просто хотелось купить более модный автомобиль. Он помешан на моде.

Итак, письмо и гоночный автомобиль. Бабушке потребовалось одиннадцать лет, чтобы решить этот ребус. Только теперь до нее дошло, что кто-то должен осмелиться и тщательно осмотреть мой старый автомобиль, хранившийся в сарае для инструментов. И она не ошиблась. Автомобиль оказался не просто автомобилем. Это был почтовый ящик.

Я не знал, верить или не верить этой истории. Никогда не знаешь, правду ли говорят родители, дедушки и бабушки, особенно если дело касается «деликатных вопросов», как называет их моя бабушка.

Сегодня для меня самая большая загадка заключается в том, почему ни у кого не хватило ума одиннадцать лет назад поинтересоваться, что хранится в старом отцовском компьютере. Ведь отец на нем писал это письмо! Конечно, они пытались войти в компьютер, но у них не хватило воображения, чтобы разгадать пароль. Он состоял максимум из восьми букв, такие в те времена были компьютеры. Но даже маме не удалось взломать пароль. У них ничего не получилось. И они отправили компьютер на чердак!

Впрочем, к отцовскому компьютеру я еще вернусь.

Но пришло время предоставить слово отцу. По ходу дела я буду дополнять его рассказ своими пояснениями. А потом напишу послесловие. Я должен это сделать, потому что в своем длинном письме отец задал мне один серьезный вопрос. Мой ответ для него много значит.

Я взял бутылку колы, отцовское послание и удалился в свою комнату. Когда я на всякий случай запер свою дверь изнутри, мама запротестовала, но вскоре она поняла, что протестовать бесполезно.

В чтении письма от человека, который уже умер, есть нечто необычное, я бы даже сказал – благоговейное, поэтому я не мог допустить, чтобы все родные сновали вокруг меня. Как бы там ни было, а это письмо от моего родного отца, которого не стало одиннадцать лет назад. Уединение было мне необходимо.

Странно держать в руках эту длинную рукопись, у меня возникло чувство, будто я нашел совершенно новый альбом с неизвестными фотографиями, на которых я снят вместе с отцом. За окном валил густой снег. Снегопад начался, когда я возвращался домой из музыкальной школы. Но, думаю, этот снег еще растает. Сейчас только начало ноября.

Я сел на кровать и принялся за чтение.

Сядь поудобнее, Георг. Я хочу, чтобы ты устроился поудобнее, потому что намерен рассказать тебе одну душещипательную историю. Но может, ты уже расположился со всеми удобствами на желтом кожаном диване? Если только вы не заменили его на новый, но этого мне знать не дано. С таким же успехом я могу представить тебя в старой качалке в зимнем саду, который ты так любил. Или ты сидишь сейчас на террасе? Ведь я не знаю, какое сейчас время года. А может, вы уже давно не живете на Хюмлевейен?

Как знать?

Я ничего не знаю. Кто сейчас премьер-министр Норвегии? Как зовут генерального секретаря ООН? И еще: как обстоят дела с телескопом Хаббл? Тебе про него что-нибудь известно? Может, астрономы обнаружили что-нибудь новенькое в строении нашей Вселенной?

Я много раз пытался представить себе будущее, но мне ни разу не удалось создать хотя бы приблизительно твой образ и образ твоего времени. Я знаю только, кто ты. Но не знаю, сколько тебе будет лет, когда ты это прочтешь. Двенадцать, четырнадцать? Ведь меня, твоего отца, уже давно нет в живых.

По правде говоря, я уже сейчас чувствую себя привидением, и каждый раз при мысли об этом у меня перехватывает дыхание. Я начинаю понимать, почему привидения любят ухать и выть, подражая вою ветра. Вовсе не для того, чтобы напугать своих потомков. Просто им трудно дышать в любом времени, кроме того, в котором они жили.

Нам не только отведено определенное место в жизни. Нам отмерено и определенное время.

Вот так обстоит дело, и моей исходной точкой может быть только то время, в котором я живу. Сейчас август 1990 года.

Сегодня – я имею в виду то время, когда ты будешь это читать, – ты наверняка уже забыл почти все, что мы с тобой пережили в те теплые летние месяцы, когда тебе было три с половиной года. Но время еще принадлежит нам, и мы переживем еще много приятных часов.

Хочу открыть тебе то, о чем я часто думал в последние дни: каждый прожитый вместе день и каждый пустяк, который занимал нас обоих, способствует тому, чтобы ты запомнил меня. Теперь я стал считать дни и недели. В воскресенье мы с тобой стояли на смотровой площадке Трюваннсторнет и взирали на половину королевства, нам открывался простор до самой Швеции. Мама тоже была с нами, мы были втроем. Но помнишь ли ты тот день?

Если нет, постарайся вспомнить, Георг. Пожалуйста, постарайся, ведь все это находится где-то в тебе.

Помнишь свою большую железную дорогу? Ты каждый день подолгу играешь с ней. Я гляжу на пол. В эту минуту рельсы, поезд, паромы разбросаны по всему холлу так, как ты недавно их оставил. Мне пришлось оторвать тебя от игры, чтобы не опоздать в детский сад. Но твои ручонки как будто все еще касаются частей этой дороги. И я не смею передвинуть в другое место хотя бы один рельс.

А компьютер, на котором мы по воскресеньям играли в разные игры? Когда компьютер был новый, он стоял у меня в кабинете, но на прошлой неделе я переставил его в холл. Теперь мне приятнее находиться рядом с твоими вещами. По вечерам вы с мамой тоже сидите здесь. Дедушка с бабушкой приезжают к нам чаще, чем раньше. Это приятно.

А зеленый трехколесный велосипед? Совершенно новенький, он стоит на посыпанной ракушечником дорожке. И если ты еще помнишь его, то только потому, что он, старый и бесполезный, возможно, все еще хранится в гараже или в сарае для инструментов, так я себе это представляю. Или он окончил свои

дни на блошином рынке?

А что стало с красным гоночным автомобилем, Георг? Да, что с ним стало?

Должны же у тебя остаться хоть какие-то воспоминания о наших прогулках вокруг озера Согнсванн? Или о поездках в наш домик в Фьелльстёлене. Мы с тобой три раза подряд ездили туда на Пасху. Но больше я не смею задавать тебе вопросы, честно, не смею, ведь, может, ты вообще ничего не помнишь о том времени, которое было также и моим. Пусть все остается как есть.

Я пообещал рассказать тебе одну историю, но по мановению волшебной палочки верный тон не найдешь. Я уже допустил ошибку, обращаясь к мальчугану, которого, как мне кажется, я хорошо знаю. Но ведь ты будешь уже не мальчуганом, когда эти строчки дойдут до тебя. Не малышом с золотистыми кудряшками.

Я сам слышу, что сюсюкаю, как старые тетушки, и это глупо, ведь я обращаюсь к взрослому Георгу, которого я так и не увидел и с которым так и не смог поговорить по душам.

* * *

Я смотрю на часы. Прошел всего час, как я вернулся домой, проводив тебя в детский сад.

Когда мы проезжаем через ручей, ты всегда выходишь из своего автомобиля, чтобы бросить в воду палочку или камень. Однажды ты нашел там пустую бутылку из-под газировки и тоже бросил в воду. Я не стал тебя останавливать. Теперь тебе разрешается делать почти все, что ты хочешь. Бывает, в детском саду ты убегаешь в свою группу, забыв попрощаться со мной. Как будто не меня, а тебя поджимает время. Странная мысль. Похоже, что у старых людей впереди больше времени, чем у детей, перед которыми лежит вся жизнь.

Я, конечно, не так стар, чтобы этим хвастать, себе-то я кажусь молодым человеком, по крайней мере, молодым папой. И все-таки мое заветное желание – остановить время. Я бы не имел ничего против, чтобы эти дни длились вечно.

Пусть вечера и ночи приходят в свой черед, потому что сутки есть сутки и у них свой ритм, но следующий день должен начинаться с того же, что и предыдущий.

У меня уже нет потребности увидеть или испытать больше того, что я успел увидеть и испытать. Мне только страстно хочется удержать то, что у меня еще есть. Но воры уже явились, Георг. Эти непрошеные гости уже крадут мои жизненные силы. Позор им!

* * *

В эти дни мне особенно приятно и особенно тяжело провожать тебя в детский сад. Потому что хотя мне еще легко двигаться и даже возить тебя в твоем гоночном автомобиле, я знаю, что тело мое неизлечимо больно.

Есть добрые болезни, которые сразу делают больного лежачим. Злой болезни, как правило, требуется много времени, чтобы сделать кульбит и навсегда сбить человека с ног. Может, ты не помнишь, что я был врачом, хотя уверен, что мама рассказывала тебе обо мне. Сейчас я освобожден от работы в клинике, но я знаю, о чем говорю. Я не отношусь к числу легковерных больных.

Итак, в нашей арифметической задачке, или в этой нашей последней встрече, есть два времени. Мы как будто стоим каждый на своей горной вершине и пытаемся разглядеть друг друга. Нас разделяет уже преданная забвению долина, которую ты оставил за собой на своем жизненном пути, ты проделал этот путь уже без меня. Тем не менее я постараюсь придерживаться и настоящего времени, того, когда я пишу это, а ты находишься в детском саду, и будущего, уже только твоего времени, когда ты будешь читать эти строки.

Пойми, у меня все горит внутри, когда я пишу это письмо, пишу сыну, которого оставляю навсегда, и тебе тоже будет больно читать его. Но ты уже почти мужчина. И если я способен написать эти строки, у тебя должно хватить мужества их прочитать.

Видишь, я отдаю себе отчет, что скоро лишусь всего – солнца, луны и вообще всего, хотя самое тяжелое, конечно, то, что я лишусь мамы и тебя. Такова правда, и она обжигает.

Я должен задать тебе очень серьезный вопрос, поэтому я и пишу все это. Но чтобы задать его, я должен сперва рассказать тебе душещипательную историю об Апельсиновой Девушке. Сегодня, то есть когда я пишу эти строки, ты еще слишком мал, чтобы понять эту историю. Пусть лучше она будет моим скромным наследством тебе. Пусть она полежит и подождет другого дня в твоей жизни.

Теперь этот день настал.

Когда я дочитал до этого места, я оторвался от рукописи. Много раз я пытался вспомнить отца и теперь попытался вспомнить его еще раз. Он попросил меня об этом. Но все, что, мне казалось, я помню, я видел на видео и на фотографиях.

Я помню, что в детстве у меня была большая железная дорога, но это не помогло мне вспомнить отца. Зеленый трехколесный велосипед по-прежнему стоит в гараже, его я тоже помню с детства, в этом нет никакого сомнения. И красный гоночный автомобиль стоял и стоит в сарае для инструментов. Но я не могу вспомнить прогулок вокруг озера Согнсванн. Не могу вспомнить и того, что мы с отцом поднимались на смотровую площадку Трюваннсторнет. Я много раз поднимался туда, но не с отцом, а с мамой и Йоргеном. Однажды я был там только с Йоргеном. Мама тогда как раз родила Мириам и лежала в родильном доме.

Конечно, я многое помнил о нашем пребывании в домике во Фьелльстёлене. Но отец не присутствует в этих воспоминаниях. В них присутствуют только мама, Йорген и крошка Мириам. Там у нас был старый дачный дневник, и я много раз читал все, что отец писал в нем до того, как умер. Трудно сказать, помнил ли я то, о чем он писал, или узнал это из того дневника. То же самое происходит и с видеозаписями, и со старыми фотографиями. «На Пасху мы с Георгом построили большой снежный дом с фонариками из снега…» Конечно, я читал все эти записи и многие из них помнил наизусть. Но совершенно не помню, что сам принимал участие в тех событиях, о которых в них говорилось. Ведь когда мы с отцом построили тот большой снежный дом с фонариками из снега, мне было всего два с половиной года. У нас сохранилась и фотография этого дома, но она такая темная, что на ней видны только фонарики.

В своем длинном письме, которое я как раз начал читать, отец спросил меня и еще об одной вещи:

И еще, Георг, как обстоят дела с телескопом Хаббл? Тебе про него что-нибудь известно? Может, астрономы обнаружили что-нибудь новенькое в строении нашей Вселенной?

У меня мороз побежал по спине, когда я прочитал эти строки: ведь совсем недавно я написал домашнее сочинение об этом большом космическом телескопе, или о Hubble Space Telescope, как он называется по-английски. Другие ученики писали об английском футболе, о «Spice Girls» или о Роальде Дале[1 - Роальд Даль (1916–1990) – популярный английский писатель норвежского происхождения.]. Я же порылся в библиотеке, нашел там все, что было, о телескопе Хаббл и посвятил ему свое сочинение. Совсем недавно я отдал его нашему учителю, и он написал в моей тетради, что его очень порадовал «такой взрослый, разумный и основательный подход к столь трудной теме». По-моему, я в жизни ничем никогда так не гордился, как этой фразой. В самом начале заключения учителя было красиво выведено: «Букет для астронома-любителя!» Он даже нарисовал для меня этот букет.

Может, отец был ясновидящим? Или он по чистой случайности спросил меня, как обстоят дела с телескопом Хаббл, вскоре после того, как я написал свое сочинение?

Или письмо отца было ненастоящим? Может, он жив, а не умер? У меня по спине побежал мороз.

Я долго сидел задумавшись. Телескоп Хаббл был выведен на околоземную орбиту космическим кораблем «Дискавери-25» в апреле 1990 года. Как раз в том году отец заболел – вскоре после пасхальных каникул. Это я всегда знал. Я только не думал о том, что он заболел как раз тогда, когда Хаббл был выведен на орбиту. Может даже, отец узнал о своей болезни в тот самый день, когда «Дискавери» с Хабблом на борту был запущен с мыса Канаверал, может даже, в тот самый час, в ту самую минуту.

Тогда я понимаю, почему ему было так интересно узнать, как обстоят дела с этим телескопом. Довольно быстро обнаружилось, что шлифовка на главном зеркале телескопа имеет серьезные повреждения. Отец не мог знать, что этот дефект был устранен в декабре 1993 года астронавтами с космического корабля «Индевер». И уж конечно он ничего не знал о замечательном дополнительном устройстве, которое было вмонтировано в телескоп в 1997 году.

Отец умер, не успев узнать, что с помощью телескопа Хаббл были сделаны самые четкие и подробные фотографии Вселенной. Многие из них я нашел в интернете и вместе с объяснениями включил в свое сочинение. Самые любимые фотографии я повесил у себя в комнате, например необыкновенно четкую фотографию гигантской звезды Эта Киля, находящейся на расстоянии 8000 световых лет от нашей Солнечной системы. Это одна из самых больших звезд Млечного Пути, скоро она вспыхнет как сверхновая, а потом сожмется в нейтронную звезду или станет черной дырой. Нравится мне и фотография огромных газопыльных облаков в туманности Орла (ее еще называют М 16). Там рождаются новые звезды!

Сегодня мы знаем о Вселенной гораздо больше, чем в 1990 году, в том числе и благодаря телескопу Хаббл. Сделаны тысячи фотографий галактик и звездных туманностей, отстоящих от нашей галактики на много миллионов световых лет. Кроме того, сделаны совершенно уникальные фотографии прошлого Вселенной. Это звучит неправдоподобно, но смотреть в космос – это все равно что смотреть в прошлое. Свет движется со скоростью 300 000 километров в секунду, и тем не менее свету далеких галактик требуются миллиарды световых лет, чтобы дойти до нас, потому что Вселенная необъятна. Телескоп Хаббл сделал фотографии галактик, находящихся от нас на расстоянии более двенадцати миллиардов световых лет, а это и означает, что он заглянул более чем на двенадцать миллиардов лет назад в историю Вселенной. Это невозможно себе представить, но тогда Вселенной было меньше миллиарда лет. Телескоп Хаббл сумел заглянуть в прошлое почти до самого Большого Взрыва, когда возникли время и пространство. Я немного разбираюсь в этих вещах, потому и пишу об этом. Надо только знать меру и не слишком увлекаться. В сочинении, которое я сдал учителю, было сорок семь страниц!

Мне кажется, что отец написал мне о космическом телескопе с каким-то тайным умыслом. Я всегда интересовался исследованиями космоса, и, может быть, способность отрывать взгляд от того, что делается на поверхности нашей планеты, отчасти досталась мне в наследство от отца. Правда, я с таким же

успехом мог бы написать сочинение о программе «Аполлон» и о первых людях, высадившихся на Луну. Или о галактиках и черных дырах, а можно сказать, и о галактиках с черными дырами, потому что я много знаю и о них. Я мог бы написать о Солнечной системе с ее девятью планетами и большом поясе астероидов между Юпитером и Марсом. Или о гигантских телескопах на Гавайях. Но я предпочел написать о телескопе Хаббл. Как отец мог это предвидеть?

Куда легче понять, почему он спросил о генеральном секретаре ООН. Это потому, что его день рождения, 24 октября, совпадает с днем ООН. Как бы там ни было, генеральный секретарь ООН сейчас Кофи Аннан. А премьер-министр Норвегии Кьелль Магне Бундевик. Он недавно сменил на этом посту Енса Столтенберга.

Пока я сидел и думал, ко мне постучала мама и спросила, как у меня дела. «Не мешай», – ответил я. Пока что я успел прочесть только четыре страницы.

Я подумал: давай, отец, рассказывай. Рассказывай об Апельсиновой Девушке. Я весь внимание. Потому что пришел день и настал час читать твой рассказ.

История об Апельсиновой Девушке началась однажды ранним вечером, когда я стоял перед Национальным театром и ждал трамвая. Это было в конце семидесятых годов поздней осенью.

Помню, я стоял и думал о медицине, которую как раз начал изучать. Мне трудно было представить себе, что когда-нибудь я стану настоящим врачом и буду принимать настоящих больных, которые придут ко мне и доверят мне свою судьбу. Я буду сидеть в белом халате перед большим письменным столом и говорить: «Вам надо сделать анализ крови, фру Йенсен». Или: «И давно это у вас началось?»

Наконец показался трамвай, я увидел его издалека, сперва он проехал мимо Стуртинген и пополз по Стуртингсгатен. Потом меня всегда немного тревожило, что я никак не мог припомнить, куда я тогда ехал. Но как бы там ни было, вскоре я сел в синий трамвай, идущий во Фрогнер, в нем было полно народу.

Первым делом я обратил внимание на забавную девушку, стоявшую в проходе с большим бумажным пакетом, полным спелых апельсинов. На ней был старый оранжевый анорак[2 - Спортивная куртка из плотной материи с капюшоном.], и я еще подумал, что пакет, который она прижимает к себе, такой большой и тяжелый, что она может выронить его в любую минуту. И все-таки мое внимание в первую очередь привлек не пакет, а сама девушка. Я сразу понял, что она не такая, как все, в ней было что-то невыразимо таинственное и очаровательное.

Я заметил, как она глянула на меня и как будто выделила из толпы пассажиров, вошедших в трамвай. На это ушла одна секунда, и мы с ней как будто заключили друг с другом тайный союз. Я не успел войти, как ее твердый взгляд завладел мною, и, кажется, я первый отвел глаза, потому что в ту пору был необыкновенно застенчив. Однако за все время этой недолгой поездки я отчетливо понимал, что уже никогда не забуду эту девушку. Я не знал, кто она, не знал, как ее зовут, но с первой минуты она получила надо мной почти неограниченную власть.

Девушка была на полголовы ниже меня, у нее были длинные, темные волосы, карие глаза, и ей было, как и мне, лет девятнадцать. Подняв глаза, она словно кивнула мне, хотя даже не шевельнула головой, улыбнулась насмешливо и дразняще, словно мы были знакомы или – не побоюсь так сказать – когда-то, давным-давно, у нас была одна жизнь на двоих. Напоминание об этом я прочел в ее темном взгляде.

От улыбки у девушки на щеках заиграли ямочки, но совсем не из-за них мне показалось, что она похожа на белку, во всяком случае, она была такая же хорошенькая. Если у нас с ней и вправду была когда-то одна жизнь на двоих, значит, на том дереве было две белки, и мысль об этом, о беличьих играх с этой таинственной Апельсиновой Девушкой, пришлась мне по душе.

Но почему она так иронически, почти вызывающе, улыбается? И кому она улыбается на самом деле, мне или своим приятным мыслям, чему-то, что всплыло у нее в памяти и не имеет ко мне ни малейшего отношения? Может, она смеется надо мной? Над этим тоже следовало подумать. Но ничего забавного в моей внешности не было, по-моему, я выглядел совершенно обыкновенно, и уж скорее она, а не я, могла показаться смешной с этим прижатым к животу огромным пакетом с апельсинами. Да-да, наверное, над этим она и посмеивается, над своим видом. Наверное, ей свойственно обостренное

чувство самоиронии. Ценное качество, которым могут похвастаться далеко не все.

Я не осмеливался снова встретиться с ней глазами. Глаза мои не отрывались от большого пакета с апельсинами. Сейчас она его выронит, подумал я. Только бы этого не случилось. Но как раз это и случилось.

В пакете было не меньше пяти килограммов апельсинов, а может, и все десять.

Трамвай тащится по Драмменсвейен. Постарайся представить себе эту картину. Его дергает и качает, он останавливается возле американского посольства, останавливается на Солли пласс, и тут, перед самым поворотом на Фрогнервейен, происходит то, чего я боялся.

Трамвай неожиданно накреняется, так мне, во всяком случае, показалось, Апельсиновая Девушка едва не теряет равновесия, и я понимаю, что должен спасти этот огромный пакет с апельсинами. Сейчас… только сейчас!

Тогда-то я, по-видимому, и допустил роковую ошибку. Представь себе, как это было: я быстро протягиваю руки, одной поддерживаю снизу коричневый бумажный пакет, а другой обхватываю девушку за талию. Как думаешь, что случилось потом? Разумеется, девушка в оранжевом анораке выронила из рук пакет с апельсинами, а может, это я вышиб его из ее крепких объятий, словно меня охватила ревность к нему и мне захотелось устранить его со своего пути. Результат был плачевный, потому что тридцать или сорок апельсинов посыпались на колени пассажирам и раскатились по всему трамваю. Я совершил много глупостей в своей жизни, но эта превзошла все, такого стыда я больше уже не испытал никогда.

Но не слишком ли много я пишу об апельсинах, пусть себе еще немного покатаются по трамваю, потому что не они главные в этой трамвайной истории. Девушка мгновенно обернулась ко мне, она больше не улыбалась. Сперва она как будто огорчилась, во всяком случае, по ее лицу скользнула темная тень. Не знаю, о чем она подумала, откуда мне это знать, но было похоже, что она вот-вот заплачет. Словно каждый апельсин из этого пакета имел для нее особое значение. Понимаешь, Георг, мне показалось, что каждый из них был совершенно незаменим. Это длилось недолго, через мгновение она оскорбленно

поглядела на меня и ясно дала мне почувствовать свою вину. Да, я сломал ее жизнь, не говоря уже о своей. Разрушил свое будущее.

Жаль, что тебя не было там, ты бы меня спас, сказал бы что-нибудь смешное. Что разрядило бы обстановку. Но в то время в моей руке еще не лежала маленькая детская ручка, это было за много лет до твоего рождения.

В глубоком смущении я опустился на четвереньки и начал собирать апельсины среди грязных сапог и ботинок, но успел подобрать лишь ничтожную толику. Пакет, в котором они лежали, разорвался, и я быстро понял, что он больше никуда не годится.

Когда я сообразил, что лежу ниц пред молодой девушкой, лежу ниц в буквальном, а не в переносном смысле, меня охватило горькое веселье. Самые добродушные пассажиры начали посмеиваться, раздраженных гримас тоже хватало, трамвай был битком набит. Мне стало ясно, что свидетели происшедшего считают меня его виновником, хотя на самом деле мое движение было просто неудачной благородной акцией по спасению апельсинов.

И последнее, что осталось у меня в памяти об этом злосчастном трамвае: с руками, полными апельсинов, – две штуки я сунул в карманы брюк, – я стою перед девушкой в оранжевом анораке, она смотрит мне прямо в глаза и говорит язвительно: «Ах ты ниссе[3 - Персонаж норвежского фольклора, живет поблизости от людей, как правило, помогает хозяевам, у которых живет, но часто и озорничает.] несчастный!»

Это был откровенный упрек, потом к ней вернулось чувство юмора и она сказала полунасмешливо, полупримирительно: «Может, дашь мне хоть один апельсин?»

«Прости, – только и мог сказать я. – Прости!»

Трамвай остановился возле кондитерской Мёлльхаусена во Фрогнере, двери открылись, я растерянно кивнул этой казавшейся мне почти неземной Апельсиновой Девушке, а она, выхватив у меня из рук один апельсин, исчезла на улице, словно фея из сказки.

«Может, дашь мне хоть один апельсин?» Георг! Но ведь это были ее апельсины, две штуки я засунул в карманы, а остальные раскатились по полу в трамвае.

Теперь уже я стоял, в охапку прижимая к груди апельсины, к тому же чужие. Подлый похититель апельсинов, кое-кто из пассажиров не удержался от малоприятных высказываний по моему адресу; не помню, о чем я тогда думал, но на следующей остановке я спрыгнул с трамвая. Это было на Фрогнер пласс.

В голове у меня билась только одна мысль: надо поскорее избавиться от этих апельсинов! Я балансировал, как канатоходец, чтобы не уронить их, и все-таки один апельсин упал и покатился по брусчатке, а я, разумеется, не имел возможности наклониться и подобрать его.

Вскоре возле рыбного магазина, ты, должно быть, знаешь этот магазин на Фрогнер пласс, я увидел женщину с детской коляской. (Впрочем, кто знает, существует ли там еще этот магазин?) Я медленно приблизился к ней и, проходя мимо коляски, изловчился и вывалил все апельсины на розовую детскую перинку, в том числе и те два, что лежали у меня в карманах, на это мне хватило двух секунд.

Видел бы ты выражение лица этой женщины, Георг! Я понимал, что надо что-то сказать, поэтому я попросил ее принять мой скромный подарок ее ребенку, ведь уже конец осени и очень важно, чтобы дети получали достаточно витамина С, это я точно знаю, прибавил я, потому что изучаю медицину.

Она, без сомнения, сочла мой подарок дерзостью, а может, подумала, что я пьян, и уж во всяком случае не поверила, что я студент-медик, но я уже мчался как угорелый по Фрогнервейен. И опять у меня в голове билась только одна мысль: надо найти Апельсиновую Девушку. Я должен как можно скорее отыскать ее и извиниться.

Не знаю, хорошо ли ты знаком с той частью города, но очень скоро я, дыша как паровоз, был уже на перекрестке Фрогнервейен, Фредрик Стангс гате, Элисенбергвейен и Лёвеншолдсгате, там, где таинственная девушка сошла с трамвая с единственным жалким апельсином в руке. С таким же успехом я мог находиться и на площади Этуаль в столице Франции, здесь у меня было не больше возможности выбрать правильный путь, чем там, а Апельсиновая

Девушка между тем исчезла, словно растворилась в воздухе.

В тот вечер я долго бродил по Фрогнеру, побывал и у пожарного депо в Брискебю, и у старой больницы Красного Креста, и всякий раз при виде чего-то, напоминавшего оранжевый анорак, я чувствовал, как у меня ёкает сердце, но та, которую я искал, как сквозь землю провалилась.

Несколько часов спустя мне пришло в голову, что девушка, которую я так грубо оскорбил, может быть, сидит где-нибудь у окна на Элисенбергвейен и исподтишка наблюдает, как молодой студент носится в отчаянии туда и обратно, точно спятивший герой в какой-нибудь компьютерной игре, который никак не может найти свою принцессу. Недостатка в желании у него нет, но отыскать ее он не может. Игра как будто зависла в компьютере.

Один раз я увидел в бачке для мусора свежую апельсиновую корку. Я взял ее и понюхал, и, если она действительно была выброшена туда Апельсиновой Девушкой, это был ее последний след.

Весь остаток вечера я думал о девушке в оранжевом анораке. Я всю жизнь прожил в Осло, но раньше никогда не встречал ее, в этом я был абсолютно уверен. Не менее уверен я был и в том, что сделаю все, что в моих силах, чтобы снова увидеть ее. Словно по мановению волшебной палочки она уже встала между мною и всем остальным миром.

Я снова и снова думал о ее апельсинах. Зачем ей понадобилось столько апельсинов? Неужели она собиралась просто-напросто очистить по очереди каждый апельсин и съесть дольку за долькой, например, во время завтрака или обеда? Я всполошился при этой мысли. Может, она больна и придерживается особой диеты? Эта мысль испугала меня.

Но были и другие догадки. Может, девушка собиралась приготовить апельсиновое желе на сто человек гостей? Меня охватила ревность – ведь я не был приглашен на этот праздник! Кроме того, я почему-то был уверен, что туда приглашено гораздо больше парней, чем девушек, например девяносто парней и всего восемь девушек. Кто знает, почему мне это пришло в голову. Может, апельсиновое желе готовилось для большого торжества по поводу окончания семестра в Институте экономики и организации производства, и, что

явствует из названия института, там, наверное, почти не было девушек.

Я пытался прогнать прочь эту мысль, она была невыносима, и в то же время меня немного шокировало такое неравенство полов. Почему Институт экономики и организации производства не ввел у себя равную квоту на мужчин и женщин? Словом, я понимал, что не могу доверять своей фантазии. Может, Апельсиновая Девушка просто-напросто ехала домой, в тесную комнатушку, которую она снимает, чтобы сделать несколько литров апельсинового сока и держать его в холодильнике, потому что она ненавидит или просто у нее аллергия на апельсиновый сок, изготовляемый у нас из дешевого концентрата, ввозимого из Калифорнии.

Ни то, ни другое не представлялось мне достаточно вероятным – ни сок, ни желе. Но вскоре у меня родилась более убедительная мысль: на Апельсиновой Девушке был старый анорак такого же типа, в каком Роальд Амундсен совершал свой знаменитый поход на полюс. Я всегда любил толковать знаки, в медицине это называется диагностикой, никто не ходит по Осло в старом аноpаке, если на то нет определенной причины, во всяком случае, если человек в то же время прижимает к животу большой бумажный пакет с сочными апельсинами.

Я думал так: наверное, Апельсиновая Девушка собирается пересечь на лыжах Гренландию или по меньшей мере Хардангервидда, и тогда отнюдь не глупо бросить на собачью упряжку восемь-десять килограммов апельсинов, чтобы не умереть от цинги в этой ледяной пустыне.

И еще раз я позволил себе увлечься фантазией: ведь, кажется, «анорак» эскимосское слово? Конечно, эта девушка собирается в Гренландию! Но что будет теперь с этой экспедицией? Вовсе не обязательно, что у этой таинственной девушки есть деньги на новую порцию апельсинов, ведь она только что не расплакалась, потеряв столько продовольствия, и я уже вбил себе в голову, что она должна быть очень бедной.

Но были и другие догадки. Чтобы признать это, мне пришлось взять себя в руки. Может, у Апельсиновой Девушки большая семья? Да, это вполне возможно, кто поручится, что она не работает сиделкой и не снимает комнатушку напротив больницы Красного Креста, и кто поручится, что ее очень многочисленная семья не любит апельсинов? Мне захотелось нанести визит этой семье, Георг, и увидеть всех ее членов за большим обеденным столом в одной из старинных

квартир во Фрогнере с большими просторными комнатами и гипсовыми розетками на потолке. Кроме отца и матери, в семье было семеро детей – четыре сестры и два брата, не считая самой Апельсиновой Девушки, она была самая старшая любящая и заботливая сестра. Эти качества могли ей пригодиться в будущем, а теперь кто знает, сколько пройдет времени, прежде чем ее братья и сестры снова получат по апельсину в своем школьном завтраке.

Или – эта мысль холодными мурашками пробежала у меня по коже – может быть, она сама мать небольшого семейства, состоящего из нее самой, бодряка-мужа, только что окончившего Институт экономики и организации производства, и маленькой дочки четырех или пяти месяцев. Не знаю почему, но я был уверен, что дочку зовут Ранвейг.

Никуда не денешься, я должен был учесть и такую возможность. Кто сказал, что это сама мама везла грудного младенца под розовой перинкой мимо магазина «Рыба и дичь» во Фрогнере? Что это была не девушка, которая помогает Апельсиновой Девушке по хозяйству? Эта мысль обожгла меня. Несмотря на то, что в таком случае хотя бы часть апельсинов вернулась к девушке с беличьим взглядом. Мир вдруг сделался крохотным, и все обрело свой смысл.

Я всегда умел складывать два плюс два, толкуя знаки, или, как говорим мы, врачи, ставя диагноз. Между прочим, я сам поставил себе диагноз, когда заболел. Это немного тешит мою гордость. Я пошел к своему коллеге и объяснил, что меня мучит. Дальше уже действовал он. И…

Вот так, Георг. На этом мне нужно сделать небольшую передышку.

Может, тебя удивляет, что я в состоянии так весело говорить о том, что произошло однажды вечером много лет назад. Но у меня в памяти это осталось как забавная история, что-то вроде немого фильма, и мне хочется, чтобы и ты так же воспринял ее. Это вовсе не означает, что у меня легко на душе в ту минуту, когда я это пишу. Должен признаться, что я чувствую себя совершенно беспомощным или, вернее, безутешным, если уж быть искренним до конца. Я этого не скрываю, но не обращаю на это внимания. Ты никогда не увидишь, как я плачу, это я твердо решил и думаю, что сумею исполнить свое решение.

Мама едет с работы домой, а пока что мы с тобой дома одни. Ты сидишь на полу и рисуешь цветными мелками, но утешить меня ты не можешь. Или не так? Может, когда-нибудь через много лет, когда ты будешь читать это письмо, написанное человеком, который был твоим отцом, ты тепло подумаешь о нем. Эта мысль уже сейчас согревает меня.

Время, Георг. Что такое время?

Мне опять пришлось оторваться от душещипательной истории, которую отец написал для меня незадолго до своей смерти. Я посмотрел на фотографию – Сверхновая звезда 1987 А. Эта фотография была сделана телескопом Хаббл примерно в то время, когда мой отец понял, что он смертельно болен.

Конечно, мне его жалко. Но, по-моему, с его стороны было не совсем правильно возлагать на мои плечи свою боль. Ведь я был бессилен, и от меня ничего не зависело. Он жил в другое время, не нынешнее, а я вынужден жить своей жизнью. Если всех людей захлестнет поток писем от покойных отцов и предков, мы не сможем жить, как хотим.

У меня на глазах выступили слезы. Но не сладкие слезы, если такие вообще существуют, а горькие, неутешные слезы, они не текли по лицу, а скопились в уголках глаз и жгли их.

Я вспомнил, как мы с мамой ходили на кладбище ухаживать за могилой отца. Прочитав несколько последних абзацев, я решил, что такое больше не по мне. Во всяком случае, один я на кладбище не пойду. Ни за что.

Иногда расти без отца не так уж и тяжело. Но если покойный отец вдруг заговорит с тобой из могилы, вот тогда становится по-настоящему жутко. Может, было бы лучше, если бы он оставил в покое своего сына? Ведь он сам намекнул мне, что вернулся обратно в образе привидения.

У меня вспотели ладони. Но я, безусловно, дочитаю его письмо до конца. Может, и хорошо, что он послал это письмо в будущее, а может, и нет. Сейчас еще слишком рано судить об этом.

Все-таки он был большой чудак, подумал я, по крайней мере в девятнадцать лет, той осенью в конце семидесятых годов, по-моему, ему не следовало придавать такое значение тому, что какая-то девушка ехала в трамвае с большим пакетом апельсинов. Что странного в том, что девушки и парни переглядываются друг с другом, думаю, они начали переглядываться еще во времена Адама и Евы.

Почему он не мог просто написать, что влюбился в нее? Девушка наверняка поняла это задолго до того, как он набросился на ее апельсины. А он умудрился даже обнять ее за талию! Может, в трамвае у него возникло бессознательное желание закружиться с ней в апельсиновом вальсе?

Когда влюбляются дети, они либо дерутся, либо дергают друг друга за волосы. Кое-кто кидает друг в друга снежками. Мне казалось, что девятнадцатилетние ведут себя умнее.

Но я прочитал еще только самое начало истории. Может, с этой Апельсиновой Девушкой и в самом деле связано что-то таинственное? Иначе зачем бы отцу понадобилось писать про нее? Он был болен и знал, что, скорее всего, умрет. Поэтому он писал о том, что было для него важно, а может быть, и для меня.

Я допил колу и стал читать дальше.

Встречу ли я когда-нибудь еще раз эту Апельсиновую Девушку? Может, и нет, может, она живет в другой части страны, может, она лишь ненадолго приезжала в Осло.

Бывая в городе и видя трамвай, идущий во Фрогнер, я заглядывал в его окна, стараясь высмотреть среди пассажиров Апельсиновую Девушку, это вошло у меня в привычку. Но сколько бы я ни смотрел, ее я не видел ни разу.
По вечерам я стал совершать прогулки по Фрогнеру, и всякий раз, увидев на улице что-то желтое или оранжевое, я думал: наконец-то она! И если мои ожидания были большие, то и разочарования тоже были не маленькие.

Проходили дни и недели, и однажды в понедельник в полдень я зашел в одно кафе на улице Карл Юхан, мы с приятелями по университету постоянно там бывали. Как только я открыл дверь и вошел в зал, я замер, а потом отпрянул назад. В зале сидела Апельсиновая Девушка! Раньше я ее никогда не видел

в этом кафе, но теперь она сидела за столиком с чашкой чая и листала какую-то книгу с цветными иллюстрациями. Будто чья-то невидимая рука посадила ее туда в ожидании, когда я загляну в кафе и мы снова встретимся. На ней был тот же самый старый анорак, и, послушай, Георг, боюсь, ты не поверишь, но на коленях между собой и маленьким столиком она держала большой бумажный пакет с роскошными апельсинами.

Я вздрогнул. Увидеть снова Апельсиновую Девушку в том же самом оранжевом анораке с таким же пакетом апельсинов в руках было все равно что увидеть мираж. С этой минуты я ломал голову уже не только над этими апельсинами. Между прочим, что это за апельсины? Эти золотые апельсиновые солнца сверкали так ослепительно, что мне захотелось зажмурить глаза. Таких золотистых апельсинов мне видеть еще не доводилось. Даже сквозь кожуру было видно, какие они сочные. Обыкновенные апельсины такими не бывают!

Я незаметно проскользнул в зал и сел за столик метрах в пяти от нее. Мне хотелось просто посидеть, глядя на девушку, полюбоваться необъяснимым, прежде чем я решу, что делать дальше.

Я не думал, что она меня заметила, но она вдруг оторвалась от книги, которую читала, и посмотрела мне прямо в глаза. Застала меня, так сказать, на месте преступления, ведь я сидел и пялился на нее. Она тепло улыбнулась мне, и ее улыбка, Георг, могла бы растопить весь мир, потому что если бы мир увидел ее улыбку, он нашел бы в себе силы остановить все войны и столкновения на нашей планете. Самое малое, у нас наступило бы долгое перемирие.

У меня больше не было выбора, я должен был подойти к ней. Я медленно подошел к ее столику и сел на свободный стул. Она нашла это вполне естественным, хотя что-то в ней заставило меня усомниться, что она узнала меня после того случая в трамвае.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Как будто ей не хотелось, чтобы мы начали разговаривать. Не меньше минуты она смотрела мне в глаза, и на этот раз я не отвернулся. Зрачки ее словно дрожали. Ее глаза как будто говорили мне: ты меня помнишь? Или: неужели ты не помнишь меня?

Кому-то из нас следовало заговорить, но я был настолько смущен, что мог думать только о том времени, когда мы с ней были дикими белками и жили

на свободе в небольшой роще. Она любила прятаться от меня, мне приходилось без передышки носиться вверх и вниз по стволу, чтобы найти ее, а когда я обнаруживал ее, она тут же перепрыгивала на другое дерево. Так, прыгая с ветки на ветку, я гонялся за ней по всему лесу, пока в один прекрасный день мне не пришла в голову мысль самому спрятаться от нее. Теперь уже она заметалась в поисках, а я сидел, притаившись, на верхушке дерева или во мху за старым пнем и наслаждался нетерпением, с каким она искала меня, и, может быть, не только нетерпением, но и некоторым страхом, что так и не найдет меня…

И тут произошло нечто уже совсем невероятное, не в том ореховом лесу в давние времена, а в этом кафе на улице Карл Юхан.

Я положил руку на стол, и неожиданно она вложила в нее свою. Книгу она пристроила на апельсины, пакет с которыми по-прежнему придерживала другой рукой, словно боялась, что я отниму его у нее или спихну его на пол.

Моего стеснения как не бывало. Я чувствовал, как холодная сила перетекает из ее пальцев в мои. Мне показалось, что она обладает каким-то сверхъестественным даром и что он необъяснимым образом связан с ее апельсинами.

Загадка, думал я, чудесная загадка!

Вскоре царившее между нами молчание стало невыносимым, и я нарушил его, хотя, может, это было предательством или нарушением каких-то правил, важных для Апельсиновой Девушки. Мы по-прежнему смотрели друг другу в глаза, когда я сказал: «Ты белка!»

Не успел я произнести эти слова, как она с облегчением улыбнулась и нежно сжала мою руку. Потом отпустила ее, величаво встала из-за стола, держа в объятиях пакет с апельсинами, и засеменила к выходу. Я видел, что в глазах у нее стояли слезы.

Меня словно парализовало. Я потерял дар речи. Всего несколько секунд назад Апельсиновая Девушка сидела напротив меня и держала меня за руку, мне казалось, что я еще чувствую аромат апельсинов, но ее самой в кафе уже не было. Если бы у нее не было этого пакета с апельсинами, она, может быть,

даже помахала бы рукой мне на прощание. Но пакет был такой большой, что ей пришлось держать его обеими руками, тут уже и речи не могло быть о том, чтобы махать на прощание. Но она плакала.

И я не пошел за ней! Это тоже было бы нарушением правил. Я был сражен, я был подкошен, я был переполнен. Я пережил нечто изумительно загадочное, чего мне должно было хватить на много месяцев. К тому же я не сомневался, что снова увижу ее. Этим правили могучие, хотя и непредсказуемые силы.

Незнакомка. Она пришла из более прекрасной сказки, чем наша. Однако она сумела проникнуть в нашу действительность. Может, у нее было здесь важное дело, может, у нее было задание спасти нас от того, что некоторые называют «серой действительностью»? До сих пор я ничего не слышал о подобных миссиях. Я думал, что существует только одна жизнь и одна действительность. Но оказалось, что существует по крайней мере два типа людей: Апельсиновая Девушка и все остальные.

Вот только почему у нее в глазах стояли слезы? Почему она плакала?

Помню, я подумал: может, она ясновидящая? Иначе почему у нее на глаза навернулись слезы при виде чужого человека? Может, она просто «увидела», что в будущем меня ждут тяжелые испытания?

Странно, что нечто подобное мне вообще могло прийти тогда в голову. Несмотря на то что я всегда с легкостью отдавался фантазиям, я был и остался вполне рациональным человеком.

Дойдя до этого места своей истории, я чувствую потребность сделать короткий вывод. Обещаю, что не стану злоупотреблять этим слишком часто.

Молодой человек и совсем юная девушка переглянулись друг с другом в трамвае, идущем во Фрогнер. Они уже не дети, но еще не успели стать взрослыми, и они никогда раньше не видели друг друга. Через несколько минут молодому человеку показалось, что эта девушка вот-вот выронит из рук большой пакет с сочными апельсинами. Он бросается к ней, в результате чего апельсины рассыпаются по трамваю. Девушка называет его «ниссе», она выходит на первой же остановке, спросив, не даст ли он ей хоть один апельсин, и молодой человек

растерянно кивает. Проходит несколько недель, и они снова встречаются в одном кафе. И на этот раз девушка держит в руках большой бумажный пакет с золотистыми апельсинами. Молодой человек садится за ее столик, и несколько минут они смотрят в глаза друг другу. Может, это звучит высокопарно, но целую минуту они смотрят глубоко в глаза друг другу, достигая самого дна души, он – ее, она – его. Она вкладывает свою руку в его, и он говорит ей, что она белка. Тогда она изящно встает с места и выходит из кафе с огромным пакетом, который несет обеими руками. Молодой человек видит, что глаза у нее полны слез.

С первого раза они обменялись всего четырьмя репликами. Она: «Ах ты ниссе несчастный!» И: «Может, дашь мне хоть один апельсин?» Он: «Прости, прости!» И: «Ты белка!»

Остальное – немое кино. Остальное – загадка.

Можешь разгадать эту загадку, Георг? Я не мог, но, может, это потому, что сам был ее частью?

Наконец эта история по-настоящему захватила меня. Два раза подряд Апельсиновая Девушка являлась моему отцу с большим пакетом апельсинов в руках. Тут пахло какой-то тайной. В кафе, не сказав ни слова, она взяла его за руку и посмотрела ему глубоко в глаза, а потом вдруг вскочила и со слезами выбежала на улицу. Странное поведение. Объяснить его было трудно.

Если только отцу не стали являться видения.

Может, Апельсиновая Девушка была тем, что называют «плод воображения»? Множество людей утверждают, что видели Лохнесское чудовище или, на худой конец, морского змея в озере Сельюр, при этом их нельзя обвинить во лжи, вполне возможно, что они видели «плод своего воображения». Если бы отец сказал, что Апельсиновая Девушка однажды проехала по Карл Юхан в большой собачьей упряжке, я подумал бы, что такой рассказ свидетельствует о том, что в какие-то периоды своей жизни отец был близок к помешательству. Может, так было бы и лучше, против таких недугов есть лекарства.

Была ли Апельсиновая Девушка плодом воображения или человеком из плоти и крови, ясно одно: отец был без ума от нее. Когда ему наконец представилась возможность что-то сказать ей, он сказал, на мой взгляд, самое глупое, что только мог придумать. «Ты белка», – сказал он. Впрочем, он и не скрывал, что сам был поражен собственной глупостью. Кто мне объяснит, почему он произнес именно эти слова? Нет, отец, такая загадка мне не по зубам.

Я вовсе не строю из себя умника. Я первым готов признать, как трудно придумать, что сказать девушке, на которую ты, как говорится, глаз положил.

Я уже писал, что учусь играть на фортепиано. Хвастать мне особенно нечем, но все-таки я способен исполнить первую часть «Лунной сонаты» Бетховена почти без ошибок. Когда я сам для себя играю «Лунную сонату», у меня часто возникает чувство, будто я нахожусь на луне перед большим роялем и играю в то время, как луна, рояль и я вращаемся вокруг земного шара. И мне кажется, что звуки этой сонаты разносятся по всей Солнечной системе, достигая если не Плутона, то уж по крайней мере Сатурна.

Теперь я разучиваю вторую часть (Allegretto). Она гораздо труднее первой, и мне очень нравится, когда учительница музыки играет ее для меня. Эта часть почему-то заставляет меня думать о маленьких механических куклах, которые бегают вверх и вниз по лестницам торгового центра!

Третью часть «Лунной сонаты» я решил пропустить, и не только потому, что она слишком трудна для меня, мне просто неприятно ее слушать. Первая часть (Adagio sostenuto) очень красива, а вот последняя (Presto agitato) звучит чересчур грозно. Если бы я на космическом корабле добрался до какой-нибудь другой планеты и обнаружил на ней несчастное живое существо, которое исполняло бы там третью часть «Лунной сонаты», я бы в ту же минуту улетел с этой планеты. А вот если бы оно исполняло первую часть, я бы, может, и задержался там на несколько дней, по крайней мере, осмелился бы подойти к этому существу и порасспросить его поподробнее о музыкальной жизни на его планете.

Однажды я сказал своей учительнице, что в музыке Бетховена много и рая и ада. Она даже рот открыла от удивления. И сказала, что я попал в точку! Потом она рассказала мне то, чего я не знал. Оказывается, эту сонату назвал «Лунной» вовсе не Бетховен. Он назвал ее Соната до-диез минор, Соч. 27 № 2, прибавив к названию Sonata quasi una Fantasia, что означает Соната-фантазия. Моя учительница музыки считает, что эта соната слишком мрачна, чтобы ее

называли «Лунной». Она сказала, что венгерский композитор Ференц Лист говорил, что вторая часть сонаты это «цветок между двумя безднами». А вот я бы назвал ее скорее «веселым кукольным представлением между двумя трагедиями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/usteyn-gorder/apelsinovaya-devushka/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Роальд Даль (1916–1990) – популярный английский писатель норвежского происхождения.

2

Спортивная куртка из плотной материи с капюшоном.

3

Персонаж норвежского фольклора, живет поблизости от людей, как правило, помогает хозяевам, у которых живет, но часто и озорничает.

Купить: https://tellnovel.com/yusteyn-gorder/apelsinovaya-devushka-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити